



DOI 10.19181/nko.2022.28.4.2

EDN MEAAFS

УДК 316.4

Н. П. Сащенко¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ/ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Аннотация. Поставлена проблема теоретических оснований, адекватно объясняющих феномен социальной интеграции/дифференциации общества в условиях глобальных изменений, дается анализ подходов в рамках социологических, культурологических, политологических, психологических постмодернистских концепций. Показано, что усложнение переходного состояния общества ослабляет действие адаптационных социально-психологических механизмов, выводя проблему сложности переходного состояния из аналитического поля социальных наук в междисциплинарное пространство.

Раскрываются возможные направления теоретического поиска факторов латентного влияния на процессы интеграции/дифференциации социальных групп и общества в целом. Возникший большой разрыв между субъективными и объективными пространствами и временем, отношением к ним и к изменениям, в них происходящих, предлагается исследовать с помощью культурологических концепций эволюционной динамики и внутрисистемных и кроссистемных ароморфозов.

Показано, что социологическая наука обращается к осмыслению процессов интеграции/дифференциации времени позднего модерна, характеризующегося большой неопределённостью, текучестью, сложностью, неоднозначностью. Анализ идентификационных механизмов консолидации и фрагментации получил развитие в рамках когнитивистки и конструкционистки ориентированных концепций, взаимовлияния идентичности, исторических социальных структур и социальных процессов.

Обозначается важность исследования условий консолидации, сплоченности общества в рамках концепции разделенного общества, утвердившейся в политической науке.

Предлагается обратиться к макропсихологическому подходу для анализа психологического состояния общества. Обращается внимание, что в психологических исследованиях поляризации сознания последнего десятилетия учитываются меняющиеся контексты глобализации, транзитивности, виртуальности, а также новые подходы к анализу информационной культуры: от анализа общих характеристик к дифференциации слоев, к учету и описанию новых «археологических» слоев информационной культуры.

Ключевые слова: социальная интеграция; социальная дифференциация; разделенное общество; социальная фрагментация; консолидация; национально-государственная идентичность; социологическая теория; концепции политической науки.

Для цитирования: Сащенко Н.П. Процессы интеграции/дифференциации в российском обществе: вопросы методологии // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 22–35. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.2. EDN MEAAFS

Введение. Социально-политические проблемы в государстве отражаются на характере социальных отношений, демонстрируя проявление противоречивых тенденций, вызывая интерес ученых к процессам социальной интеграции/дифференциации. Указанные процессы прочно вошли в исследовательский арсенал

тем культурологов, психологов, антропологов как методологические обоснования общей теории развития. В попытках описания картины магистрального эволюционного движения ученые обращались к поиску принципов линейных схем эволюционной динамики в традиционных классических концепциях. Однако, «возвыситься над пестрым набором противоречий культурного бытия, охватить их собой и подчинить жесткой функциональной или хотя бы коррелятивной связи» [1, с. 5] оказалось проблематичным.

Нелинейный же характер эволюции все меньше подчиняется естественным законам, регулирующим биологическую природу человека и природные основы социальной самоорганизации, и все больше — законам самой Культуры [1, с. 7], что обязывает исследователя в поиске методологических рамок описания процессов социальной интеграции/дифференциации выходить из поля социальных наук в междисциплинарное пространство.

Социальная интеграция/дифференциация – процессы эволюционной динамики. Впервые в науке размышления о дихотомии «интеграция/дифференциация» принадлежат советскому антропологу, историку и социологу Б. Ф. Поршневу, который заложил основы оппозиции «они – мы» и далее «свои – чужие» в социальной психологии [2; 3]. Универсальность этого «всеобщего закона» [4, с. 211] тем более ценна, что оппозиция «мы – они» оказывалась всеобщим выражением движущих сил исторического процесса: «Субъективная психическая сторона всякой общности людей... конституируется путем двуединого психического явления: оно резюмируется выражением “мы и они”» [5, с. 6]. Этот закон формирования любой психической общности не только лежит в основании поведенческих проявлений социальных групп, классов и обществ, но и позволяет объяснять сложный механизм ценностно-нормативной интеграции и солидаризации (консолидации) последних.

В период глобализации и усиления значимости нелинейных процессов социальной динамики культурологи постмодерна смотрят на законы эволюции сквозь призму борьбы естественных и искусственных законов (конвенциональных культурных норм) организации жизни, отдавая предпочтение в изучении процессу дифференциации горизонтального и вертикального направлений.

Под горизонтальным эволюционированием понимаются изменения, ведущие к адаптации и специализации форм, тогда как эволюционирование вертикальное нацелено на внутрисистемные и кроссистемные ароморфозы, результат которых – достижение качественно нового уровня проявления глобальных эволюционных векторов. Векторы эти обнаруживают себя в неуклонной кумуляции таких параметров, как сложность, дифференцированность, плотность эволюционного фронта и субъектность [1, с. 6]. Нам ближе позиция критичного отношения к представлениям «о магистральном эволюционировании как о чем-то естественно-императивном, предопределенном, само собой разумеющемся и потому, не нуждающемся в специальных объяснениях» [1, с. 6]. В силу такой аберрации вертикальные эволюционные «прорывы» представляются одной сплошной прогрессией поступательного развития, которая вменяется всему существу в качестве общей нормы, а регресс, стагнация, архаизация и иные формы рецессивного исторического движения, во-первых, рассматриваются как отклонение от правила, во-вторых, недооцениваются в своем значении, и, в-третьих, как следствие, вытесняются на периферию исследовательских интересов [1, с. 6].

С применением дифференциально-интеграционной теории как общей теории развития культурологи и исторические психологи с привлечением новых на-

учных данных рассматривают проблемы происхождения и эволюции психики, творчества, соотношения языка и мышления [6]. Их исследовательский взгляд на социальные изменения связывает методологические основы общей теории развития со спецификой процесса дифференциации, обозначая явления, тесно связанные с ней (бифуркация, хаос, расщепление, разделение, специализация, интеграция, иерархия, ортогенез) [6, с. 92]. Рассматривая дифференциацию как обязательную составляющую процесса (эволюционного) развития, авторы отмечают последствия дифференциации, существенно влияющие на процессы социальных изменений. К ним относят такие утверждения как: из предковых форм образуются новые, специализированные формы через разделение (бифуркацию, ветвление, диверсификацию); в процессе дифференциации развивающийся объект усложняется, а уровень интеграции приобретает иерархическое строение; процесс дифференциации подчинен принципу ортогенеза [6, с. 94–95].

В социологической науке суть процессов общественного развития и социальных изменений уже более полувека объясняет классическая теория модернизации и ее различные модификации. Этапы трансформации традиционного общества в современное хорошо описаны социологами, историками, показаны различные модели и последствия модернизации. Стремительные изменения описываются известными метафорами «столкновения цивилизаций», «текущей современности», «общества риска». Общим для всех стран являются различные темпы, ритмы, асинхронность и разнонаправленность перемен [7, с. 79]. Российское общество отличается от стран западной демократии не столько темпоритами и топографическими структурами (хотя и этим в немалой степени тоже), сколько социокультурными кодами, исторически-сложившимися, национально-государственными стереотипами отношения к миру, себе, власти.

Постепенный переход от теории социальной дифференциации Н. Лумана к современным социологическим теориям радикального модерна Э. Гидденса и З. Баумана позволил увидеть наличие противоречий в социальной рефлексии изменяющейся реальности, а также сложность применения объяснительных схем только одной отрасли науки для понимания причин, форм и последствий изменений социальной ткани.

Фрагментация – крайняя форма социальной дифференциации общества.

В ответ на усложнение внешней среды в социологических теориях позднего модерна появились размышления о форме социальной дифференциации общества и социальных общностей, для которой характерны образование множественных изолированных элементов и структур, мозаичность оснований социальной идентичности, частичный или полный разрыв социальных связей. Речь идет о феномене социальной фрагментации. Размышления немецкого социолога Н. Лумана о дифференциации во многом определялись постмодернистским принципом бессубъектности и выражали скепсис по поводу наличия в современном сложном обществе каких-либо оснований для ценностной или моральной интеграции, солидарности, спаянности [8]. Напротив, он видел в отсутствии центричности, доминировании плюральности, полиструктурности, нестационарности социальных процессов источники разнообразия и пластичности современного общества. Первыми в России в научный оборот ввели понятия фрагментации общества российские социологи, которые не только попытались диагностировать «глубину и ширину» фрагментации [9], но и предприняли ревизию истории «вопроса о солидарности» [10–12].

Социальными предпосылками актуализации проблемы социальной фрагментации стали: становление общества постмодерна и постпостмодерна; появление новых видов неравенства; усиление негативных эффектов мультикультурализма; кризис социальной солидарности в обществе [13].

Возможно, на изменение социальной ткани российского общества оказывают влияние и такие факторы как феномен «переходного состояния» (А. А. Зиновьев, П. Штомпка), феномены «социальной травмы», «культурной травмы», «промежуточной модальности развития» (Т. Парсонс, Ж. Т. Тощенко).

«Переходное состояние» российского общества. «Переходное состояние», как его видел А. А. Зиновьев применительно к российскому обществу 90-х годов XX века, вновь становится характеристикой современного общества. Философ определил его как неопределенное, то есть состояние без возможности научного определения его сущности, его свойств, позиционирования во времени и пространстве [14]. Неопределенность и трудность в осмыслении этих изменений усугубляются по мысли философа еще и сложностью самих переходных состояний. Более точное определение дал ранее польский социолог П. Штомпка в теории процессов переходного состояния (фазы развития), характеризуя постсоветские общества как переходные, которые переживают культурную травму. Травматологическая метафора акцентирует внимание не столько на особенностях институциональных структур, сколько на внутреннем психическом самочувствии граждан [15]. Проследивая историю изменений категории «кризис», П. Штомпка дает качественную характеристику переходному состоянию как фазе развития, кратковременной и прежде всего необычайной, нетипичной ситуации. Это «состояние, имеющее для дальнейшего развития ключевое, решающее значение, некую особую концентрацию, заострение альтернатив будущего» [16].

Продолжая эти размышления, можно предположить, что сложность состояний характеризуется их текучестью, разрывами, несинхронностью, а в самом переходном состоянии сокрыты лакуны общественного сознания, чувствительные к элементам грядущего порядка. Эти лакуны сознания оживают при условии появления в обществе новых социальных раздражителей в то время, когда предыдущие раздражители еще не рационализированы, не пережиты. Возникает своего рода «переходное состояние» в «переходном», которое повышает интенсивность переживаний и «свертывает» процесс рационализации субъективных эмоциональных переживаний, «загоняя» их вглубь сознания, тем самым усложняя и без того неустойчивое психическое состояние общества. Формируется почва для появления рисков, носящих долгосрочный, отложенный характер. Это в первую очередь риски трансформации социальных представлений, социальной и национально-государственной идентичности, искажения адаптационных механизмов в социально-политическом пространстве и, как следствие, риски ослабления устойчивости государства. Переходное состояние общества усложняется, ослабляя или тормозя важные адаптационные социально-психологические механизмы.

В этом проявляется противоречивое, нередко полярное отношение социальных групп, организаций, отдельных людей к одним и тем же явлениям и процессам, по-разному затрагивающим их интересы и потребности и по-разному осознаваемым в зависимости от социально-политического контекста. Ощущение неудовлетворенности свойственно сегодня не только живущим за чертой бедности, но и многим представителям малого и среднего бизнеса,

уставшим от «войны законов» и тотального налогообложения. И наоборот, значительная часть людей, плохо адаптировавшихся к новым экономическим условиям, не ощущает дискомфорта, удовлетворившись получением свободы высказывания в социальных медиа в качестве «компенсации» за ухудшение материального положения.

Идентификационные трансформации, социально-политическая поляризация и концепт разделенных обществ. Британский социолог З. Бауман для описания современной эпохи использует метафору «текущая современность», отследить которую возможно «с помощью многих и различных маркеров» [17, с. 15]. Но ключевым маркером или особенностью современной жизни, по его мнению, является «изменяющиеся отношения между пространством и временем» [17, с. 15]. В этом контексте рассматривается трансформация в сознании общества категорий «этническая принадлежность» и «государство-нация» [17, с. 186] и ставится проблема конечности «многовекового “романа” нации с государством» [17, с. 199].

Однако, по мнению известного российского социолога Л. М. Дробижевой, государство и общество все еще заинтересованы в осознании жителями страны своей общероссийской идентичности. Государству необходимо устойчивое сцепление между конструкцией политического порядка и «коллективным целым». А гражданам страны их идентичность важна для социально-психологического состояния, осознания себя и представлений о целях в будущем. Для одних это ощущение общей связанности с прошлым, для других – общности интересов в настоящем и будущем [18].

Сегодня в политологических исследованиях национальной идентичности предлагается пересмотр подходов к оценке современной социальной динамики – остро обсуждаемой проблемы культурной и социально-политической поляризации [19]. В поле политологического рассмотрения идентификационных процессов (в частности, процесса дисфункций модели национально-территориального государства), проявляющихся в условиях кризисного и посткризисного мироустройства на фоне растущего разнообразия форм институционализации политических противостояний, ключевое место занимает расширительная трактовка авторами **концепта разделенных обществ** как категории политического анализа. В практической же политике стоит вопрос об обращении к идентичности как нематериальному ресурсу развития, который может способствовать продвижению ценностей доверия, ответственности, солидарности и в элитных, и в массовых группах на разных урнях взаимодействия [20].

Политологи обращаются к эволюционным трансформациям современных обществ, оперируя понятиями социальных размежеваний, идейно-политических противостояний, социокультурных расколов, которые уже утвердились в политической науке, характеризуют системные элементы эволюционных трансформаций современных обществ [21]. Однако, по мнению И. С. Семененко, в современном дискурсе социальных наук эти проблемы не находятся пока в фокусе исследовательского внимания, тогда как сам «феномен разделенности (как реальность разделенных обществ) уже прочно включен – посредством информационных потоков – в сферу массового сознания и идентичности и стал неотъемлемым атрибутом современной социально-политической реальности, элементом повседневности» [21, с. 57].

Еще одна проблема, которую отмечает И. С. Семененко, интерпретируя мысль мэтра исторической социологии Н. Элиаса о том, что нам недостает

«мыслительных моделей и общего видения» [22, с. 19], чтобы увидеть, что социальные и культурные трансформации нередко обгоняют способности видеть социальность за рамками ее привычных форм и, тем более, адаптировать политические институты к новым общественным потребностям. Проявляется «эффект запаздывания»: «Мы-образ» оказывается «далеко позади реальности глобальных взаимозависимостей», а «захваченные этими изменениями люди в своей личностной структуре, в своем социальном габитусе еще продолжают оставаться на более ранней стадии» социальности [22, с. 294, 305, 317].

Противоречивый характер восприятия социально-политических процессов в российском обществе. Дальнейшее имущественное расслоение и социальное разобщение общества, зафиксированное в 2021 году [23, с. 68–87], за последний год стали фактором продолжающейся поляризации сознания в восприятии своей страны, народа, политических институтов, идеологий, а также политических решений. Социально-политические проблемы в государстве отражаются на характере социальных отношений, демонстрируя проявление **противоречивых тенденций**.

В ряде исследований зафиксировано переплетение противоположных процессов: с одной стороны, консолидации, солидаризации, сплочения [24; 25], а с другой, – социальной фрагментации, раскола, роста интолерантности к другому [26; 13]. Основным консолидирующим фактором является сегодня спецоперация России на Украине.

Следует, однако, иметь в виду, что консолидирующее действие подобного рода фактора внешней угрозы, как показал «крымский консенсус», может носить временный характер. Наличие противоречий в восприятии социально-политических процессов свидетельствует о сложном психологическом состоянии российского общества, а также о сложности применения объяснительных схем одной отрасли науки для понимания причин, форм и последствий изменений в социальных отношениях.

Ценностно-нормативная интеграция и консолидация. Для описания динамично развивающейся ситуации оказалось недостаточно **теорий доверия и добровольчества**: они отражают процессы сплочения в определенных группах российского общества [27]. Объяснительный потенциал механизма ценностно-нормативной интеграции и консолидации российские социологи обнаружили в **теории «сообществ судеб»** П. Бэра, предложившего три сценария развития сообществ в условиях масштабной угрозы, определяющей их настоящее и будущее [28]. Кроме того, обращение к его теории «сообществ судьбы» представляет интерес для анализа условий консолидации [29]. П. Бэр выделил семь условий такого сплочения, включающих пространственно-временные характеристики, тесноту социальных связей, материально-организационные условия, культурно-идентификационные ресурсы. Для нашего анализа особую важность имеет последнее условие – культурные основания коллективной мобилизации и, прежде всего, групповая идентичность. Теория «сообщества судьбы» попадает в поле теорий конфликта, социальных ритуалов и мобилизации ресурсов, динамику которых она отражает. В то же время, анализируя социальную энергию через призму условий сплоченности-солидарности, мы выходим на научную проблему недостаточности некоторых условий предложенного подхода для анализа национальной и временной специфики российского общества.

Как правило, общественная система реагирует на проблемный фон самой чувствительной подсистемой – культурой, структурными компонентами которой, согласно Т. Парсонсу, являются ценности, а главной функцией – воспроизводство образца [30]. Культура как «совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» рассматривалась П. А. Сорокиным как один из трех важных аспектов в «структуре социокультурного взаимодействия» наряду с личностью и обществом [31, с. 218].

Обогащение культуры есть развитие человека и общества, а «раскультуривание» равнозначно «расчеловечиванию», деградации. Сегодня многое в меняющемся мире толкает человеческие сообщества по второму пути. Но дело не только в этом. Современное государство, по мнению российского политолога О. Ф. Шаброва, не случайно называют национальным: его устойчивость покоится на двух основаниях [32, с. 295–299].

Одно из них – институт государства как инструмент поддержания внутреннего порядка и внешнего суверенитета. Но общественные системы покоятся не только на экономике и аппарате принуждения. История дает немало примеров крушения империй в моменты их экономического и военного могущества. Причиной становилось разрушение общественного единства, покоящегося на общности социальных ценностей и основанном на них чувстве национальной идентичности, сопричастности граждан к делам своей страны, объединяющем их в единое политическое сообщество.

Второе основание – идентичность граждан сообществу, объединяемому государством, идентичность, которая основана только на общих ценностях, тех самых «образцах», которые сплачивают население в народ и нацию и за производство и воспроизводство которых «отвечает» подсистема культуры. «Ослабление чувства национально-государственной идентичности равнозначно атомизации общества, превращению народа в население и утрате устойчивости государством, что делает его менее способным обеспечивать целостность и суверенитет» [32, с. 295].

Изменение характера социально-экономических и социально-политических отношений за последний год, ускоренная цифровизация всех сфер жизни и, как следствие, виртуализация социальных отношений и информационной среды ослабили действие механизмов функционирования и воспроизводства культуры, – этого сложного целого, состоящего по Ю. Лотману «из пластов разной скорости развития» [33, с. 20], лежащего в основе групповой, этнической, национально-государственной идентичности. Происходят изменения не только внешние, но и психологические, духовные. Общество оказалось под воздействием не только объективных социальных трансформаций: латентное влияние на самоидентификацию личности и групп оказывают изменчивость социальных представлений и ценностей, а также неопределенность норм и установок. Возник большой разрыв между субъективными и объективными пространством и временем, отношением к ним и к изменениям, в них происходящих.

Изменению подвержены представления граждан о реальном мире. В первую очередь это касается молодёжи, социализация которой всё больше смещается в виртуальное пространство. Как следствие, размывается ценностно-символическое пространство национально-государственной идентичности, формируется неустойчивая и эклектичная, в отличие от реальности, картина мира, в том числе и политическая. Отмечаются такие характеристики массового сознания как противоречивость, размытость, неопределенность и даже разорван-

ность сознания, особенно у молодых людей, первичная социализация которых проходила в эпоху интернета [34; 35; 36]. Все это не «закрыло» в научном дискурсе проблемы продолжающегося кризиса национально-государственной идентичности, ее фрагментации, расширения ее множественной детерминации. Дальнейшее имущественное расслоение и социальное разобщение общества в условиях ограничений, связанных с пандемией, а сегодня еще и в условиях затянувшейся специальной военной операции, стали фактором продолжающейся поляризации сознания в восприятии своей страны, народа, политических институтов, идеологий, а также образов власти и политиков.

Эволюционно устойчивые общемировые тенденции в той или иной мере все больше охватывают российскую молодежь, особенно пользующуюся интернет-сетями. Молодые люди ищут себя «среди смешанных и переплетающихся слоев идентичности: планетарная, цивилизационная, национальная и гражданская, социокультурная, социальная и профессиональная, этническая, персональная» [37, с. 191]. При этом автором выявлено, что не все слои идентичности отрефлексированы субъектами, некоторые остаются для них скрытыми, неявными, латентными.

Ценностно-аффективная поляризация социальных групп. Усиление фрагментарности и разрывов социальной ткани российского социума психологи рассматривают через анализ психологического состояния общества, применяя макропсихологический подход [38]. В наиболее общем виде психологическое состояние общества (ПСО) – это интегральная величина, характеризующая осознанность (оценку) респондентами экономической, политической и ценностной поляризации, определяемой на основе анализа как объективных данных, так и субъективных оценок. Величина ПСО характеризует представление людей о том, что в обществе, помимо социальной группы, с которой они себя идентифицируют, обнаруживается группа людей, имеющих иной статус или занимающих противоположную мировоззренческую позицию по вопросам экономики, политики или культурных норм и ценностей. Для его оценки А. В. Юревич предложил композитный индекс макропсихологического состояния российского общества [39], объединяющий два вторичных индекса: индекс психологической устойчивости общества и индекс его социально-психологического благополучия, каждый из которых в свою очередь интегрирует три первичных индекса. Для этого российские ученые из Института психологии РАН применяют «поляризационную модель» оценки психологического состояния общества на основе **концепции психологической поляризации**, разработанной французским социальным психологом С. Московичи [40]. В результате был выявлен феномен групповой поляризации. Эмпирическое пилотное исследование, проведенное в 2019 году, показало, что российское общество является психологически поляризованным [41; 42]. Особое внимание в исследовании уделяется такой переменной, как рост аффективности поляризации и тенденции к иррациональным суждениям членов поляризованных подгрупп. Авторы исследования назвали это явление «основным законом» ценностно-аффективной поляризации.

Другая группа ученых из Института психологии РАН работает над проблемой психоэмоционального состояния российского общества начала 2020-х гг. [43]. Авторы выделяют мотивационно-аффективные и социально-когнитивные характеристики психологического состояния общества, которые могут оказать влияние на политические процессы в современной России. Результаты этих исследований психологического состояния личности и больших социальных групп

в условиях глобальных рисков и в контексте переживания неконтролируемой угрозы, значимы для понимания психологических особенностей восприятия социально-политических изменений и формирования образа коллективного будущего, а также для прогнозирования изменений в структуре современного миропорядка, для оценки глобальных рисков и возможностей их преодоления.

Выводы.

1. Латентное влияние на процессы интеграции/дифференциации социальных групп и общества в целом оказывает изменчивость социальных представлений и ценностей, неопределенность норм и установок, трансформация политических потребностей, интресов и ориентаций. В период неопределенности «переходного состояния» общество реагирует переплетением двух процессов: социальной консолидацией и фрагментацией.
2. Социологическая наука обращается к осмыслению процессов интеграции/дифференциации времени позднего модерна, характеризующегося большой неопределённостью, текучестью, сложностью, неоднозначностью. Анализ идентификационных механизмов консолидации и фрагментации получил развитие в рамках когнитивистски и конструкционистски ориентированных концепций, взаимовлияния идентичности, исторических социальных структур и социальных процессов.
3. В политической науке обращаются к эволюционным трансформациям современных обществ, оперируя понятиями социальных размежеваний, идейно-политических противостояний, социокультурных расколов, которые уже утвердились в политической науке и характеризуют системные элементы эволюционных трансформаций современных обществ.
4. В психологических исследованиях поляризации сознания последнего десятилетия учитываются меняющиеся контексты глобализации, транзитивности, виртуальности, а также новые подходы к анализу информационной культуры: от анализа общих характеристик к дифференциации слоев, к учету и описанию новых «археологических» слоев информационной культуры.

Общественное единство держится на общности социальных ценностей и основанном на них чувстве национальной идентичности, сопричастности граждан к делам своей страны, объединяющем их в единое сообщество. Сегодня мы являемся, однако, свидетелями зарождения феномена социальной фрагментации и ослабления идентификационных параметров со своей страной.

Библиографический список

1. Пелипенко А. А. Эволюция: вектор и траектории // Человек. 2016. № 6. С. 5–17. EDN [ZTDGJR](#).
2. Поршнев Б. Ф. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) // Историческая психология и социология истории. 2010. Т. 3, № 2. С. 185–219. EDN [NCSQJB](#).
3. Поршнев Б. Ф. «Мы и они» как конструктивный принцип психической общности // Материалы III Всесоюзного съезда Общества психологов. Москва, 1968. Т. 3. Вып. 1.
4. Вите О. Т. «Я – счастливый человек». Книга «О начале человеческой истории» и ее место в творческой биографии Б. Ф. Поршнева // Развитие личности. 2007. № 2. С. 204–225. EDN [KYLFOF](#).
5. Поршнев Б. Ф. Принципы социально-этнической психологии. Москва : Наука, 1964. 126 с. EDN [SNHPSN](#).
6. Дифференционно-интеграционная теория развития. Книга 2. Москва : Языки славянской культуры, 2014. 720 с. ISBN 978-5-9551-0733-2. EDN [TEEGVF](#).

7. *Никовская Л. И.* Модернизация в России: проблемы выбора модели // Наука. Культура. Общество. 2010. № 4. С. 76-87. EDN [XKZDAS](#).

8. *Luhmann N.* The Differentiation of Society. New York : Columbia University Press, 1982. ISBN 0-231-04996-X.

9. *Дубин Б. В.* Режим разобщения. Новые заметки к определению культуры и политики // Pro et Contra. 2009. Т. 13, № 1. С. 6–19. EDN [WRKBWC](#).

10. *Сорокин П. С., Попова Т. А.* Классические и современные подходы к исследованию солидарности: проблемы и перспективы в условиях деструктуриации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 3. С. 457–468. DOI [10.22363/2313-2272-2021-21-3-457-468](#). EDN [YVLBHA](#).

11. *Филиппов А. А.* Мобильность и солидарность. Статья 1 // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 3. С. 4–20. EDN [OPQEFF](#).

12. *Филиппов А. Ф.* Народ как социологическая фикция и политическая реальность // Пути России. Народничество и популизм : Сб. статей участников XXVI Международного симпозиума (Москва, 27–28 сентября 2019 г.). Том XXVI. Москва : ИД «Дело» РАНХиГС, 2020. С. 111–121. EDN [HNXYBO](#).

13. *Амбарова П. А.* Социальная фрагментация сообществ в современной России: в поисках социологической теории // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 41–51. DOI [10.31857/S013216250017229-4](#). EDN [ZQSCCU](#).

14. *Зиновьев А. А.* На пути к сверхобществу. Москва : АСТ, 2008. 335 с. ISBN 978-5-271-21740-1. EDN [QWTMKZ](#).

15. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

16. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества / Пер. с польск. С. М. Червонной. Москва : Логос, 2005. 664 с. ISBN 5-98704-024-8.

17. *Бауман З.* Текущая современность / Пер. с англ. С. А. Комаров. Санкт-Петербург : Питер, 2008. 240 с. ISBN 978-5-469-00034-1. EDN [QOABEJ](#).

18. *Дробизжева Л. М.* Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4(140). С. 7–22. DOI [10.14515/monitoring.2017.4.02](#). EDN [YLYNRW](#).

19. *Семенов И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И.* Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 56–77. DOI [10.17976/jpps/2021.05.05](#). EDN [DTBRYE](#).

20. *Семенов И. С.* Дискурсы развития в социальных науках: в преддверии этического поворота // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 25–45. DOI [10.17976/jpps/2021.02.03](#). EDN [LCWSXT](#).

21. *Семенов И. С.* «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики // Полис. Политические исследования. 2012. № 6. С. 9–26. EDN [PFCYSZ](#).

22. *Элиас Н.* Общество индивидов / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского [и др.]. Москва : Праксис, 2001. 331 с. ISBN 5-901574-01-X. EDN [SGUXQL](#).

23. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году / М. А. Ананьин, В. Н. Архангельский, В. А. Безвербный [и др.]. Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. 558 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021](#). EDN [GJTТTK](#).

24. *Ким А. С., Полошкевич О. А.* Социальная солидарность через просоциальные практики гражданских активистов и волонтеров // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : Материалы VIII Международной научно-практической конференции (Иркутск, 21 февраля 2022 г.). Иркутск : Иркутский государственный университет, 2022. С. 65–68. EDN [HLLYSN](#).

25. *Розгачев С. В., Ильичева М. В., Иванов А. В.* Социальное доверие и процесс консолидации общества: новые возможности и риски // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 129–140. DOI [10.24412/2071-6141-2022-1-129-140](#). EDN [NOCHSG](#).

26. *Макушева М. О.* «Конфликт и солидарность». Как конфликт России и Украины проецируется на общественное мнение россиян // Социодиггер. 2022. Том 3, № 7(19). С. 11–20. EDN [YYIGCN](#).

27. Благотворительность в России: вовлеченность, мотивы, барьеры : аналитический обзор // ВЦИОМ. 05 сентября 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/blagotvoritelnost-v-rossii-vovlechnost-motivy-barery> (дата обращения: 12.09.2022).

28. Вахштайн В. С. Пандемия, страх, солидарность // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18, № 3(103). С. 155–162. EDN MDQYOK.

29. Baehr P. Social extremity, communities of fate, and the sociology of SARS // European Journal of Sociology. 2005. № 46(2). С. 179–211. DOI [10.1017/S000397560500007X](https://doi.org/10.1017/S000397560500007X). EDN HWABXB.

30. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. Москва : Аспект Пресс, 1998. 270 с. ISBN 5-7567-0225-3.

31. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. Москва : Политиздат, 1992. 543 с. ISBN 5-250-01297-3.

32. Шабров О. Ф. Культурная политика и национально-государственный суверенитет // Власть. 2020. Т. 28, № 6. С. 295–299. DOI [10.31171/vlast.v28i6.7800](https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7800). EDN OAUOON.

33. Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург : Искусство-СПб. 2000. 704 с. ISBN 5-210-01488-6.

34. Дробужева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI [10.31857/S013216250009460-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9). EDN IZTYSH.

35. Евеньева Т. В. Идентификационное измерение образа страны: методы исследования и интерпретация результатов // Материалы IX международной социологической Группинской конференции «Социальная инженерия: как социология меняет мир» (Москва, 20–21 марта 2019 г.). Москва : ВЦИОМ, 2019. С. 188–193. EDN WVNSYJ.

36. Сащенко Н. П. Трансформация социально-политических представлений: проблема национально-государственной идентичности // Пандемия как двигатель трансформации: глобальное, государственное и корпоративное управление : Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 25–26 мая 2020 г.). Москва, КноРус, 2020. С. 28–32. EDN IQWRGH.

37. Гусельцева М. С. Психологические маркеры перемен: трансформация ценностей в транзитивном обществе // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / Под общ. ред. А. Асмолова. Москва : ИД ЯСК, 2018. С. 181–198.

38. Макропсихология современного российского общества / М. И. Воловикова, Т. П. Емельянова, А. Л. Журавлев [и др.]. Москва : Институт психологии РАН, 2009. 352 с. ISBN 978-5-9270-0150-7. EDN QXXRFZ.

39. Юревич А. В. Психология социальных явлений. Москва : Институт психологии РАН, 2014. 348 с. ISBN 978-5-9270-0288-7. EDN TAMCQP.

40. Moscovici S., Zavalloni M. The group as a polarizer of attitudes // Journal of personality and social psychology. 1969. Vol. 12(2). Pp. 125–135. DOI [10.1037/h0027568](https://doi.org/10.1037/h0027568).

41. Лебедев А. Н. Психологическое состояние общества с позиции макропсихологического подхода // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2019. № 4 (104). С. 41–48. DOI [10.22204/2410-4639-2019-104-04-41-48](https://doi.org/10.22204/2410-4639-2019-104-04-41-48). EDN ASGEEK.

42. Лебедев А. Н. К теории ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Т. 2, № 1. С. 2–19. DOI [10.38098/proceedings_2022_02_01_01](https://doi.org/10.38098/proceedings_2022_02_01_01). EDN IRRJVS.

43. Нестик Т. А., Селезнева А. В., Шестопал Е. Б., Юревич А. В. Проблема психологического состояния общества и политических процессов в современной России Вопросы психологии. 2021. Т. 67, № 5. С. 3–14. EDN FCQJEA.

Дата поступления в редакцию: 28.09.2022.

Принята к печати: 20.10.2022.

Сведения об авторе:

Сащенко Наталья Петровна, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: nsaschenko@mail.ru

Author ID РИНЦ: 168978

ORCID: 0000-0002-0632-9937

N. P. Sashchenko¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.
Moscow, Russia.

PROCESSES OF INTEGRATION/DIFFERENTIATION IN RUSSIAN SOCIETY: QUESTIONS OF METHODOLOGY

Abstract. The problem of theoretical foundations that adequately explain the phenomenon of social integration/differentiation of society in the context of global changes is posed, an analysis of approaches within the framework of sociological, cultural, political science, and psychological postmodern concepts is given. It is shown that the complication of the transitional state of society weakens the effect of adaptive socio-psychological mechanisms, removing the problem of the complexity of the transitional state from the analytical field of social sciences into the interdisciplinary space.

Possible directions of theoretical search for factors of latent influence on the processes of integration/differentiation, social groups and society as a whole are revealed. The large gap that has arisen between subjective and objective spaces and time, the attitude towards them and the changes taking place in them, is proposed to be explored with the help of cultural concepts of evolutionary dynamics and intra-system and cross-system aromorphoses.

It is shown that sociological science refers to the understanding of the processes of integration/differentiation of the time of late modernity, characterized by great uncertainty, fluidity, complexity, and ambiguity. The analysis of identification mechanisms of consolidation and fragmentation has been developed within the framework of cognitivist and constructionist-oriented concepts, the mutual influence of identity, historical social structures and social processes.

The importance of studying the conditions of consolidation, cohesion of society within the framework of the concept of a divided society, established in political science.

It is proposed to turn to the macropsychological approach to analyze the psychological state of society. Attention is drawn to the fact that psychological studies of the polarization of consciousness of the last decade take into account the changing contexts of globalization, transitivity, virtuality, as well as new approaches to the analysis of information culture: from the analysis of general characteristics to the differentiation of layers, to the accounting and description of new “archaeological” layers information culture.

Keywords: social integration; social differentiation; divided society; social fragmentation; consolidation; nation-state identity; sociological theory; concepts of political science.

For citation: Sashchenko N. P. (2022) *Processes of integration/differentiation in Russian society: questions of methodology. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 4. Pp. 22–35. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.2*

References

1. Pelipenko A. A. (2016) Evolution: vector and trajectories. *Chelovek*. No. 6. Pp. 5–17 (in Russ.).
2. Porshnev B. F. (2010) Countersuggestion and history (An elementary socio-psychological phenomenon and its transformation in the development of mankind). *Historical Psychology & Sociology* [Istoricheskaya psihologiya i sociologia istorii]. Vol. 3. No. 2. Pp. 185–219 (in Russ.).
3. Porshnev B. F. (1968) “We and them” as a constructive principle of mental community. *Materials of the III All-Union Congress of the Society of Psychologists*. Vol. 3. Issue 1 (in Russ.).
4. Vite O. T. (2007) “I’m a happy person”. The book “On the Beginning of Human History” and its place in the creative biography of B. F. Porshnev. *Development of personality*. No. 2. Pp. 204–225 (in Russ.).
5. Porshnev B. F. (1964) *Principles of socio-ethnic psychology*. Moscow. 126p. (In Russ.).

6. *Differential-integration theory of development*. Book 2. Moscow, LRC Publ. House, 2014. 720 p. ISBN 978-5-9551-0733-2 (in Russ.).

7. Nikovskaya L. I. (2010) Modernization in Russia: a problem of model selection. *Science. Culture. Society*. No. 4. Pp. 76–87 (in Russ.).

8. Luhmann N. (1982) *The Differentiation of Society*. New York, Columbia University Press. ISBN 0-231-04996-X (in Eng.).

9. Dubin B. V. (2009) Disconnection mode. New notes on the definition of culture and politics. *Pro et Contra*. Vol. 13. No. 1. Pp. 6–19 (in Russ.).

10. Sorokin P. S., Popova T. A. (2021) Classical and contemporary approaches to the study of solidarity: Challenges and perspectives under deconstruction. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 21. No. 3. Pp. 457–468. DOI [10.22363/2313-2272-2021-21-3-457-468](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-457-468) (in Russ.).

11. Filippov A. (2011) Mobility and solidarity. Paper 1. *Sociological Review*. Vol. 10. No. 3. Pp. 4–20 (in Russ.).

12. Filippov A. F. (2020) The People as a Sociological Fiction and Political Reality. In: *Ways of Russia. populism and populism*. Coll. of articles of the XXVI International Symposium. Moscow, “Delo” RANEPa Publ. Pp. 111–121 (in Russ.).

13. Ambarova P. A. (2022) Social fragmentation of communities in modern Russia: in search of a sociological theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1. Pp. 41–51. DOI [10.31857/S013216250017229-4](https://doi.org/10.31857/S013216250017229-4) (in Russ.).

14. Zinoviev A. A. (2008) *On the way to supersociety*. Moscow, AST Publ. 335 p. ISBN 978-5-271-21740-1 (in Russ.).

15. Sztompka P. (2001) Social change as a trauma. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1. Pp. 6–16 (in Russ.).

16. Sztompka P. (2005) *Sociology. Analysis of modern society*. Transl. from Polish by S. M. Chervonnaya. Moscow, Logos Publ. 664 p. ISBN 5-98704-024-8 (in Russ.).

17. Bauman Z. (2008) *Liquid modernity*. Transl. from Eng. by S. A. Komarov. St. Petersburg, Piter Publ. 240 p. ISBN 978-5-469-00034-1 (in Russ.).

18. Drobizheva L. M. (2017) Dynamics of civic identity and its potential in positive integration processes in the Russian community. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*. No. 4. Pp. 7–22. DOI [10.14515/monitoring.2017.4.02](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.02) (in Russ.).

19. Semenenko I. S., Lapkin V. V., Pantin V. I. (2021) Social cleavages and political divides in a theoretical perspective: criteria for assessment and classification. *Polis. Political Studies*. No. 5. Pp. 56–77. DOI [10.17976/jpps/2021.05.05](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.05) (in Russ.).

20. Semenenko I. S. (2021) Rethinking development in social sciences: on the threshold of an ethical turn. *Polis. Political Studies*. No. 2. Pp. 25–45. DOI [10.17976/jpps/2021.02.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.03) (in Russ.).

21. Semenenko I. S. (2012) “Homo politicus” facing alternative political developments: rethinking the individual dimension of politics. *Polis. Political Studies*. No. 6. Pp. 9–26 (in Russ.).

22. Elias N. (2001) *Die Gesellschaft der Individuen*. Transl. from Deutsch by A. Yu. Antonovsky [et al.]. Moscow, Praxis Publ. 331 p. ISBN 5-901574-01-X (in Russ.).

23. Ananyin M. A., Arkhangelsky V. N., Bezverbnny V. A. [et al.] (2021) *Pandemic challenges and the strategic agenda for society and the state: the socio-political situation and demographics in 2021*. Moscow, FCTAS RAS. 558 p. DOI [10.19181/mono-gr.978-5-89697-384-3.2021](https://doi.org/10.19181/mono-gr.978-5-89697-384-3.2021) (in Russ.).

24. Kim A. S., Polyushkevich O. A. (2022) Social solidarity through pro-social practices of civic activists and volunteers. In: *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects*: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference (Irkutsk, February 21, 2022). Irkutsk, Irkutsk State University. 307 p. Pp. 65–68 (in Russ.).

25. Rogachev S. V., Il'icheva M. V., Ivanov A. V. (2022) Social trust and the process of consolidation of society: new opportunities and risks. *Izvestiya TulGU. Humanitarian sciences*. No. 1. Pp. 129–140. DOI [10.24412/2071-6141-2022-1-129-140](https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-1-129-140) (in Russ.).

26. Makusheva M. O. (2022) “Conflict and Solidarity”. How the conflict between Russia and Ukraine is projected onto the public opinion of Russians. *Sociodigger*. Vol. 3. No. 7(19). Pp. 11–20 (in Russ.).

27. Charity in Russia: involvement, motives, barriers. *WCIOM*. September 5, 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/blagotvoritelnost-v-rossii-vovlechennost-motivy-barery> (last request: 12.09.2022) (in Russ.).

28. Vakhstein V. S. (2020) Pandemic, Fear, Solidarity. *Russia in Global Affairs*. Vol. 18. No. 3(103). Pp. 155–162.
29. Baehr P. (2005) Social extremity, communities of fate, and the sociology of SARS. *European Journal of Sociology*. No. 46(2). Pp. 179–211. DOI [10.1017/S000397560500007X](https://doi.org/10.1017/S000397560500007X) (in Eng.).
30. Parsons T. (1998) *The system of modern societies*. Transl. from Eng. by L. A. Sedov & A. D. Kovalev. Moscow, Aspect Press. 270 p. ISBN 5-7567-0225-3 (in Russ.).
31. Sorokin P. (1992) *Man, civilization, society*. Moscow, Politizdat. 543 p. ISBN 5-250-01297-3 (in Russ.).
32. Shabrov O. F. (2020) Cultural policy and national-state sovereignty. *Vlast'*. Vol. 28. No. 6. Pp. 295–299. DOI [10.31171/vlast.v28i6.7800](https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7800) (in Russ.).
33. Lotman Yu. M. (2000) *Semiosphere*. St. Petersburg, "Art-SPB" Publ. 704 p. ISBN 5-210-01488-6 (in Russ.).
34. Drobizheva L. M. (2020) Russian identity: searching for definition and distribution dynamic. *Sotsiologicheskije issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8. Pp. 37–50. DOI [10.31857/S013216250009460-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9) (in Russ.).
35. Evgenyev T. V. (2019) Identification measurement of the image of the country: research methods and interpretation of results. In: Proceedings of the IX International Sociological Grushin Conference "Socia Engineering: How Sociology Changes the World" (Moscow, March 20-21, 2019). Moscow, WCIOM Publ. Pp. 188–193 (in Russ.).
36. Sashchenko N. P. (2020) Transformation of socio-political ideas: the problem of national-state identity. In: *Pandemic as an engine of transformation: global, state and corporate governance*. Materials of the international scientific-practical conference. Moscow, Knorus Publ. Pp. 28–32 (in Russ.).
37. Guseitseva M. S. (2018) Psychological markers of change: transformation of values in a transitive society. In: *Mobilis in mobili: personality in an era of change*. Ed. by A. Asmolov. Moscow, LRC Publ. House. Pp. 181–198 (in Russ.).
38. Volovikova M. I., Emelyanova T. P., Zhuravlev A. L. [et al.] (2012) *Macropsychology of modern Russian society*. Moscow, Institute of Psychology RAS. 352 p. ISBN 978-5-9270-0150-7 (in Russ.).
39. Yurevich A. V. (2014) *Psychology of social phenomena*. Moscow, Institute of Psychology RAS. 348 p. ISBN 978-5-9270-0288-7 (in Russ.).
40. Moscovici S., Zavalloni M. (1969) The group as a polarizer of attitudes. *Journal of personality and social psychology*. Vol. 12(2). Pp. 125–135. DOI [10.1037/h0027568](https://doi.org/10.1037/h0027568) (in Eng.).
41. Lebedev A. N. (2019) Psychological condition of society from the viewpoint of macro-psychological approach. *Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij*. No. 4 (104). Pp. 41–48. DOI [10.22204/2410-4639-2019-104-04-41-48](https://doi.org/10.22204/2410-4639-2019-104-04-41-48) (in Russ.).
42. Lebedev A. N. (2022) On the theory of value-affective polarization of social groups. *Proceedings of the Institute of Psychology of RAS*. Vol. 2. No. 1. Pp. 2–19. DOI [10.38098/proceedings_2022_02_01_01](https://doi.org/10.38098/proceedings_2022_02_01_01) (in Russ.).
43. Nestik T. A., Selezneva A. V., Shestopal E. B., Yurevich A. V. (2021) The problem of the psychological state of society and political processes in modern Russia. *Voprosy Psychologi*. Vol. 67. No. 5. Pp. 3–14 (in Russ.).

The article was submitted on September 28, 2022.

Accepted on October 20, 2022.

Information about the author:

Natalia P. Sashchenko, Candidate of Psychology, Associate professor,
Leading researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.
Moscow, Russia.

e-mail: nsaschenko@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0632-9937